

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-546-556

СУДЬБА ГАНДИСТСКОГО НАСЛЕДИЯ: ВЗЛЕТЫ И ЗАБВЕНИЕ*

М.Т. Степанянц

Институт философии РАН
109240, Москва, Россия, ул. Гончарная, 12, стр. 1

Судьба наследия великих людей никогда не бывает однозначной. Ганди нарекли «великой душой», «отцом нации», «победоносным воителем», «апостолом ненасилия». Но есть и те, кто называют его факиром, великим обманщиком, провокатором, безумным идеалистом. Махатма — одновременно утопист и визионер. Ему первому в истории удалось превратить ахимсу — традиционный концепт индийской культуры — в универсальный принцип нравственности: в личной жизни, в политике, в экономике, в отношении к природе, в расовых, межрелигиозных и кастовых отношениях, в вопросах войны и мира.

Ключевые слова: Махатма, философия ненасилия, ахимса, сатьяграха, сварадж, свадеши, независимость, рама радж, пацифизм, Бог, истина, любовь

«Победоносный воитель, всегда отвергавший применение силы» — так писал о Махатме Ганди великий Альберт Эйнштейн. Известно, что махатма (букв. «великая душа») — эпитет, применяемый в индуизме к высокодуховным, сверхмирским личностям — риши в эпосе, Кришне в «Бхагавад-гите». В современной Индии — уважительный титул, добавляемый к имени особо почитаемых лиц, выдающихся общественных деятелей (1). Рабиндранат Тагор был первым, кто назвал Ганди Махатмой.

Признание Ганди пришло не сразу и не для всех. Одни называли его махатмой, «бапу» (отцом индийской нации), другие — факиром, обманщиком, юродивым. «„Вызывает тревогу и отвращение зрелище Ганди, этого бунтаря из мелких адвокатов, выступающего в роли полуголого факира, разгуливающего по ступеням дворца вице-короля“, — так отзывался Черчилль о своем политическом противнике в 1931 году. „Ганди не следует освобождать, даже если он грозит нам голодовкой, — заявил Черчилль на заседании кабинета. — Если он умрет, мы избавимся от врага Британской Империи“» (2).

В последние годы наступила мода на критику Ганди. Его называют «провокатором», «голодающим Микки-Маусом», обвиняют в циничном прагматизме, в двуличии, в заигрывании с Гитлером, в сексуальных отклонениях и расизме.

Кажется, и в России нашлись желающие присоединиться к подобной критике. Не прямолинейно, но, тем не менее, совершенно очевидно, что иронически-крити-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 16-18-10427.

ческое отношение к Ганди и его идеям продемонстрировали драматурги и постановщики спектакля «Толстой — Столыпин. Частная переписка». Владимир Мирзоев поставил в Театре.doc спектакль по пьесе Ольги Михайловой, которая взяла за основу переписку писателя и премьер-министра. Переписка трактуется как доказательство того, что любая идея мельче жизни и, в принципе, мало ей интересуются (3).

Толстой и Столыпин спорят о нравственности — о том, что важнее — закон и порядок или благо и справедливость. Столыпин представлен как государственный муж. Большой, солидный человек, прямой и смелый, с язвительной иронией, живой, способный, несмотря на самоуверенность, к сильной эмоции и азарту.

Если Столыпина еще можно представить себе таким, то такого Толстого, каким он сыгран в спектакле, точно еще не было. Молодой, подвижный, с восточной хитростью на лице, он, то встанет на голову на подоконник, то сядет в позу лотоса. Что-то лукавое, фанатичное, многослойное и опасное есть в этом Толстом. Он с циничной даже радостью наблюдает за разворачивающейся историей, за рассказами роковой крестьянки с колодкой на руке. Та ложится с ним рядом, и он обвиняет ее словно змей-искуситель, сахарно поддакивая и поглаживая металлической ложкой по матовой щеке.

И гаснет весь идеалистический запал как адвоката, так и писателя. Рассказ героини, осужденной за убийство Марьи, «женская правда», на судебную совсем непохожа. Так завершается блестящая интеллектуальная, но абсолютно умозрительная дуэль.

По иному, повторяя буквально критиков с Запада, «развенчивает» Ганди бойкий журналист (именующий себя индологом) Евгений Пахомов. 4 февраля 2015 года на сайте московского отделения Фонда Карнеги была опубликована его статья под названием «Сто лет борьбе Ганди: как Запад создал символ Индии» (4).

Этот журналист, пишущий обо всем (об Индии, Пакистане, ИГИЛ и т.д.), называет гандизм утопизмом, «наивность которого сегодня ясна многим». Однако все еще распространено «заблуждение», что Ганди привнес в движение за независимость философию индуизма, древнюю индийскую мудрость, это и помогло добиться успеха в борьбе с колонизаторами. Но заслуга Ганди как раз в том, что он познакомил Индию с идеями, которые позаимствовал у самих колонизаторов. Заслуга Ганди в том, что он создал «Индийский коктейль из британских напитков».

Верно, что Ганди считал своими гуру — наставниками Джона Раскина, имея в виду его «К этой последней» («Unto This Last»); Генри Д. Тору, в частности, его «Жизнь в лесу» («Walden») и Льва Толстого («Царство Божие внутри Вас»). Но признание влияния тех или иных мыслителей не означает того, что именно оно и породило гандизм как философию и практику. Ганди был и всегда оставался истинно продуктом индийской культуры в самом широком смысле (не только индуизма, но и буддизма, джайнизма). Если и называть его учение индийским коктейлем, то он был составлен из индийских напитков, а христианство было добавлено к нему как своего рода «вишенка».

«Я верю, что цивилизация, которая развилась в Индии, не может пройти бесследно в этом мире. Ничто не может сравниться с семенами, брошенными нашими предками. Рим исчез, Греция разделила ту же судьбу, могущество фараонов было сломлено. Япония подпала под влияние Запада; о Китае нечего сказать. Но Индия, так или иначе, все еще в своей основе здорова», — написал в 1908 году Ганди в программной книге «Хинд Сварадж» — «Индийское самоуправление» [1. С. 446].

Важно признать, что и собственно индийское культурное наследие было воспринято Ганди творчески, по-реформаторски.

Да, в сакральных книгах вед, в частности в «Аюрведе» (12.32), говорится: «Не смей использовать дарованное тебе Богом тело для убийства тварей Его — будь то люди, животные или кто-нибудь другой». В «Падма-Пуране» сказано: «Человек, услышь суть праведности и следуй ей: не делай другим того, чего ты не хочешь, чтобы сделали тебе».

Однако в древнеиндийской ведической культуре ахимса не была нормой праведного поведения. Достаточно взглянуть на изображения индийских богов, особенно женского пола, вроде Кали и Дурги, чтобы понять, насколько у индийцев был силен культ силы, даже жестокости, используемых во имя торжества воли богов. Об этом же свидетельствуют и индийские мифы.

Центральной поведенческой нормой ахимса стала в джайнизме, где она названа первым из великих обетов, необходимых для задержания притока новых карм и исчерпания старых. В буддизме ахимса включена в перечень норм, обязательных для продвижения человека к нирване. В индуизме это норма праведного поведения, которая всегда предписывается в литературе смрити. Зарождение ахимсы допустимо связывать с неприятием ведийско-брахманистской практики жертвоприношения животных, постепенно замененных бескровными приношениями. Ахимса понимается как дисциплинирующий элемент нормативного поведения отдельного человека, изначально способного на насилие.

Ахимса никогда не выдвигалась в Индии как норма в межгосударственных отношениях. Ганди фактически выступил в роли реформатора, превратившего ахимсу в моральную норму, универсальную для всех сторон жизни, будь то индивидуальной или общественной, притом не только в границах Индии, но всего мира. Правда, сам Ганди считал этот термин неадекватным и заменил его другим — сатьяграха.

Первоначально то был опыт использования ненасильственных методов в борьбе против расизма в Южной Африке. Организованные Ганди в 1908—1914 годах сатьяграхи представляли собой ненасильственное сопротивление посредством кампаний гражданского неповиновения. Они оказались настолько успешными, что привлекли внимание мировой общественности. Ганди поддержали Бернард Шоу, Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Рамен Роллан, Лев Толстой.

По возвращении на родину в 1915 году Ганди стал использовать сатьяграхи в борьбе за национальную независимость Индии. Благодаря его усилиям в 1920 году возглавлявшая национально-освободительное движение партия — Индийский национальный конгресс — приняла подготовленную им резолюцию о «прогрес-

сивном ненасильственном несотрудничестве», в которой сатьяграха признавалась общенациональным методом борьбы с колониализмом. В связи с этим рекомендовалось не покупать иностранные товары, не участвовать в выборах в законодательные органы, не поступать на военную службу, бойкотировать английские суды, школы, колледжи, отказываться от почетных званий, уйти в отставку с постов в органах управления и т.п.

Хотя многие критиковали Ганди, усматривали в его позиции слабость, склонность к подчинению интересов народа интересам колонизаторов, дальновидные политики оценили сатьяграху как ярко выраженную, хотя и ненасильственную, форму сопротивления, как фактически мирное восстание, высоко цивилизованный метод ведения войны. По словам Джавахарлала Неру, сатьяграха стала эффективным способом пробуждения широких масс к действию, методом, который отвечал особенностям психического склада индийского народа.

Освобождение от колониального гнета не было для Ганди конечной целью. В нем он видел лишь первый шаг к построению ненасильственной цивилизации.

Еще в 1908 году, находясь в Южной Африке, Ганди на страницах издаваемой им газеты «Индийское мнение» («*Indian Opinion*») подробно изложил свои взгляды на цивилизацию. «Разговор» редактора (Ганди) с читателем (собираательным) позже был опубликован в неоднократно переиздававшейся брошюре «Хинд сварадж» («Индийское самоуправление»).

Под цивилизацией (на родном для Ганди языке гуджарати означающей «хорошее поведение») он понимает «такое поведение, которое указывает человеку путь долга» [Там же]. Современная западная цивилизация не отвечает этому понятию, ибо она есть воплощение «зла». «Главный символ» западной цивилизации — машины, которые «представляют собой великий грех» [Там же. С. 449]. Ганди ненавидит машинное производство, прежде всего потому, что видит в нем причину уничтожения кустарных промыслов и традиционного индийского образа жизни. «Именно машины довели Индию до нищеты... Индийские ремесла исчезли из-за Манчестера» [Там же. С. 448—449]. Машинное производство Ганди сравнивает со «змеиной норой», в которой гнездятся «сотни змей»: города, уничтожающие деревни, рабство рабочих, ужасающая эксплуатация женского труда, безработица, половая распущенность, неверие в бога, наносящие вред здоровью людей механические средства передвижения и т.д. [Там же. С. 450]. Насилие насковзь пронизывает западную цивилизацию во всех ее сферах — экономике, политике, во взаимоотношениях людей, в международных отношениях. «Тягчайший грех» этой цивилизации — империализм.

В «машинизированном» Западе Ганди претило также нарушение органически присущих человеку связей с природой. Его мироощущению полностью созвучны настроения европейских противников техницизма, так точно переданные Николаем Бердяевым: «Техника радикально меняет отношение человека к пространству и времени. Она враждебна всякой органической воплощенности. В технический период цивилизации человек перестает жить среди животных и растений, он возвращается в новую холодно-металлическую среду, в которой нет уже животной теп-

лоты, нет горячей крови. Власть техники несет с собой ослабление душевности в человеческой жизни... Техника убивает все органическое в жизни...» [2. С. 219].

Истинная цивилизация, по мысли Ганди, должна быть основана на принципах сознательного и добровольного самоограничения. В области экономики это опора на деревню и кустарные промыслы. Не случайно символом национально-освободительного движения Ганди избрал прялку — именно ее он считал орудием национального возрождения. Прялка могла бы восстановить ремесла, освободить индийцев от зависимости колониального импорта тканей, обеспечить массовую занятость людей и тем самым избавить страну от безработицы.

Махатма являлся сторонником децентрализации производства. Концентрация промышленности в городах, по его мнению, привела деревню к разорению. Он считал целесообразным сохранить лишь некоторые отрасли промышленности (он воздерживался от уточнения, какие именно). Причем полагал, что необходимо установить «государственную собственность всюду, где работает совместно большое число людей. Через посредство государства они будут собственниками продуктов своего труда...» [3. С. 551]. Во всех остальных сферах Ганди (хотя он и не исключал индивидуальное производство) предпочтению отдавал кооперации: «Всякая деятельность, насколько возможно, должна вестись на кооперативной основе» [4. Р. 5].

Стремясь уничтожить такую форму насилия, как эксплуатация, Ганди в то же время был противником принудительной экспроприации собственности. Однажды его спросили, как он смотрит на полную ликвидацию частной собственности? Ганди ответил: «уничтожив капиталистов, рабочие лишатся курицы, несущей золотые яйца» [5. Р. 150].

Ганди возражал против экспроприации не потому, что выступал «агентом» эксплуататорских классов, как полагали некоторые. У него для этого имелись другие основания. Во-первых, Ганди учитывал низкий культурный уровень основной массы трудящихся индийцев, которые в большинстве своем, будучи неграмотными, просто не могли быть независимыми производителями. Во-вторых, ему претило всякое насилие, даже оправдываемое благородными целями. Он считал не только более нравственным, но и более результативным, эффективным путь последовательных реформ, личного и коллективного совершенствования. Постепенное устранение частной собственности, по мысли Махатмы, возможно через опеку. Своим нетерпеливым противникам, считавшим подобный путь преобразований слишком долгим, Ганди отвечал: «Путь к счастью и процветанию किसानов (крестьян. — М.С.) заключается в том, чтобы сделать их образованными, с тем, чтобы они поняли причину своего нынешнего положения и пути его улучшения. Мы можем указать им ненасильственный или насильственный путь. Последний, может быть, кажется соблазнительным, но в конечном итоге — это гибельный путь... По видимости самый длинный путь часто оказывается кратчайшим» [6. С. 531—532].

Точно так же во взаимоотношениях рабочих с предпринимателями Ганди отдавал предпочтение мирному урегулированию, а не конфронтации. Это не значит,

что он вообще возражал против стачек, забастовок. Однако полагал более желательным обращение к законодательству, арбитражу. Только в крайнем случае он считал возможным забастовки.

Махатма не раз стоял во главе забастовок, завершавшихся успехом. При этом он руководствовался определенными правилами: не начинать забастовку без соответствующей подготовки и не использовать ее в сугубо политических целях. «Не отрицаю, — писал он, — что забастовки могут служить политическим целям. Но... не нужно большого ума, чтобы усвоить, что чрезвычайно опасно использовать рабочих в политических целях, пока рабочие не поймут политическую обстановку в стране» [7. С. 483].

Идеал ненасильственной цивилизации может воплотиться в жизнь лишь при условии коренного изменения характера международных отношений. В связи с этим Ганди мечтал о создании всемирного правительства или, по крайней мере, всемирного союза свободных наций, который бы положил конец колониальному гнету, гарантировал равенство всех народов, предотвращая агрессию и эксплуатацию одних народов другими, защитил национальные меньшинства, объединил мировые ресурсы во имя всеобщего блага. Махатма настаивал на необходимости установления такого мирового порядка, который бы был свободен от эксплуатации, базировался на принципах равноправия, взаимного уважения и сотрудничества народов. Безусловно, в этой цивилизации нет места какому-либо виду агрессии. «Я верю, — писал Ганди, — что любая война непременно является злом». В то же время Махатма признавал, что следует различать агрессоров и тех, кто взялся за оружие, оказавшись жертвой агрессии.

Чрезвычайно показательна позиция, занятая Ганди в связи с атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки. Махатма не принял оправдательных мотивов этой акции. Япония совершила злодеяние во имя недостойных устремлений. «Но большая недостойность не дает права менее недостойному (имеются в виду США. — М.С.) безжалостно уничтожать японских мужчин, женщин и детей» [8. С. 567]. Ганди видит трагичность случившегося в том, что атомная бомба отвергла «законы войны», которыми веками руководствовались люди. А главное, она «погубила души» Японии и США, ибо контрнасилием нельзя положить конец насилию: «Ответная ненависть служит лишь распространению и усилению ненависти» [Там же. С. 567—568]. Ганди выступал за разоружение, призывал великие нации подать пример, решиться на то, чтобы в одностороннем порядке отказаться от милитаризации.

Конечно, проповедь любви как нормы поведения в международных отношениях может казаться наивной. Махатма и сам признавал, что «потребуется долгое время для того, чтобы закон любви получил признание в международных делах» [9]. Тем не менее он предсказывал медленное и неуклонное движение к осознанию людьми той истины, что сила не решает проблемы.

Таково в общих чертах идейное кредо гандизма. Оно не ограничено задачами достижения Индией национального освобождения или радикального переустройства индийского общества на основе переосмысления религиозных традиций. Оно имеет глобальные измерения, ибо, в конечном счете, направлено на достижение мировой ненасильственной цивилизации.

Является ли гандистская схема будущего умозрительным построением утописта или же проницательным провидением хотя и отдаленного, но все же принципиально возможного мироустройства? Многие оценивают гандистский проект как «архаическую для нашего времени историческую концепцию», ориентирующую на консервацию докапиталистических общинных отношений. Такого рода суждения не бесосновательны. Поводов для них достаточно в высказываниях Махатмы о машинном производстве, о современных видах транспорта и энергетики, о городах, которые виделись ему не иначе как «придатками деревни», о денежной системе и торговле, сводимой к межобщинному натуральному обмену, и т.д. По существу, Ганди выступил предтечей современного общественного феномена, который стал особенно ощутим в последнее десятилетие. Речь идет о «фундаментализме» или «возрожденчестве». В странах «третьего мира» оно представляет ныне не просто широкое, но зачастую доминирующее социально-политическое течение.

«Возрожденчество» — своеобразная реакция отторжения ориентированной на Запад модернизации. Но не только. Оно по сути дела и признак реформационного процесса, направленного на выявление внутренних, импульсов развития, позволяющих традиционным обществам выйти на современный уровень жизни. «Каждый, кто любит Индию, — писал Ганди, — должен прильнуть к древней индийской цивилизации, как дитя к материнской груди» [1. С. 448]. Здоровый рост возможен лишь при сильных корнях, питающихся живительными соками родной почвы.

В то же время «возрожденчество» Ганди отлично от идейных течений указанной направленности. Достаточно сравнить его с идеологией индусского «Джана сангх» или «Братьев-мусульман», чтобы понять — принципиальная особенность гандизма в терпимости, и более того, в уважении к другим культурам, во всеобъемлющем духе ненасилия.

Гандистское возрожденчество полностью свободно от националистического эгоизма. Нравственно оправданным Махатма считал лишь то, что не ущемляет интересов других. Он утверждал, что когда интересы чьей-то страны не находятся в конфликте с интересами мира, служение делу страны ведет человека к мокше. «Интернационализм» Ганди основывается на убежденности в существовании человеческого единства. «Бог — общая сумма всех душ», «у нас одна душа», — любил повторять он [10. Р. 132].

Одной из принципиальных особенностей гандистского реформаторства является то, что порожденное реалиями индийской действительности, оно ориентировано на преобразование человеческого сообщества в целом. Обращая внимание на этот «всемирский» характер гандизма, первый биограф Махатмы писал: «Я сомневаюсь, чтобы какая-либо религиозная система абсолютно сдерживала его. Взгляды Ганди слишком тесно роднятся с христианством, чтобы быть полностью индийскими, и слишком глубоко пропитаны индуизмом, чтобы называться христианскими. Его симпатии так обширны и всеобъемлющи, что, кажется, он

достиг точки, где сектантские формулы бессильны» [11. Р. 106]. Сам Махатма внешним обликом, использованием терминов, понятий, символов индуизма постоянно демонстрировал неразрывную связь с индийской культурой. В то же время он не устал настаивать на единстве человечества. «...Общественная, политическая, религиозная деятельность человека должна направляться конечной целью поиска Бога, — писал Махатма. — Единственный путь найти Бога — это увидеть Его в Его творении и быть единым с Ним. Это может быть осуществлено только посредством служения всем. Я — часть целого, и я не могу найти Его в отрыве от всего человечества» [1. С. 2].

Что это — утопия или провидение? Не была ли приверженность к идеалу ненасилия самой трагической ошибкой Махатмы? Разве история Индии и его личный полный драматизма конец не доказывают бесперспективность отстаиваемого им метода ненасильственного достижения цели? Вспомним, какой высокой ценой оплачена независимость Индии — разделом великой страны по религиозному признаку, созданием в 1947 году Пакистана. Раздел сопровождался жестокими межобщинными столкновениями. В ответ на обращение Ганди с проповедью религиозной терпимости и братства все чаще и чаще слышалось (как со стороны индусов, так и мусульман) ожесточенное: «Ганди мурдабад!» — «Смерть Ганди!» И тогда Махатма объявил шестнадцатую в своей жизни голодовку протеста. Она длилась с 12 по 18 января 1948 года. Получив обещание начать примирение, Ганди прекратил голодать. Но 30 января в момент выхода Махатмы к людям, пришедшим выслушать его проповедь, из толпы вышел человек и трижды в упор выстрелил в него.

Бескровное обретение независимости не состоялось. Людское ожесточение привело к захлестнувшей страну межрелигиозной вражде, гибели сотен тысяч людей. Сам проповедник ненасилия-ахимсы был убит.

Неужели подвижничество Ганди оказалось напрасным, отстаиваемые им идеалы — бессмысленными?

Ответ на этот вопрос важен не только для оценки прошлого. Без него не может быть спокойной совесть современников.

Сам Ганди отвечал на поставленный вопрос совершенно четко: «Единственной надеждой для страждущего мира, — писал он 29 июня года в предчувствии трагического конца, — является узкий и прямой путь ненасилия. Миллионы, подобно мне, могут потерпеть неудачу в попытке доказать истину своей собственной жизнью, но это будет их личная неудача, ни в коем случае не неудача этого вечного закона» [13. С. 569].

Да и на самом деле, справедливо ли считать гандистский эксперимент полностью неудавшимся? Разве не пробудил Махатма самосознание соотечественников, не вселил в них, забытых, безоружных, лишенных надежд, веру в свои силы, способность одолеть зло? Разве не объединил он в могучем освободительном порыве всех без различия касты, классовой и религиозной принадлежности? Разве не обезоружил многих из своих противников примером «страдания без отмще-

ния»? Разве, наконец, не вдохновил он на ненасильственное подвижничество антирасистское движение в США и Африке, на борьбу за мир на Востоке и Западе, Севере и Юге?

Недальновидному взору Ганди предстанет как безнадежный идеалист. Но проницательный ум оценит его как «мечтателя, твердо стоящего на земле». Будучи трезвым реалистом, Махатма осознавал нереальность полного торжества идеи ненасилия в ближайшем будущем. «Я знаю, что прогресс ненасилия, по всей видимости, ужасающе медленный процесс, — писал он в 1939 году, — но опыт убедил меня в том, что это самый надежный путь к цели... Насилие, даже ради защиты справедливости, уже почти изжило себя. С этим убеждением я согласен прокладывать свою одинокую борозду, если мне не суждено иметь единомышленников в беспредельной вере в ненасилие» [14. С. 510].

«Банкротство» (его собственное выражение) политики ненасилия в Индии Махатма объяснял не ошибочностью самой идеи, а тем, что осуществлявшееся в его стране в течение нескольких десятилетий движение демонстрировало, по существу, «пассивное сопротивление, к которому прибегает слабый» [15. С. 570]. Ненасильственное сопротивление, по его мнению, станет «могущественнейшей силой в мире», когда к нему обратятся из убеждения. Тогда оно превратится в «ненасилие сильного» [13. С. 568].

Ганди трезво оценивал и перспективы реализации проекта ненасильственной цивилизации. «Возможно, мне язвительно заметят, что все это утопия и потому не стоит даже об этом думать. Если эвклидова точка (хотя изобразить ее свыше человеческих способностей) имеет непреходящую ценность, то и нарисованная мною картина имеет ценность для будущего человечества. Пусть Индия живет ради этого, хотя это и невозможно осуществить полностью» [16. С. 549].

Ненасильственная цивилизация, действительно, кажется утопией. Но это утопия, сочетающаяся с провидением. Я бы предпочла называть Махатму Ганди «Великим Провидцем». И это потому, что он уже видел многое, что для остальных людей остается на степени возможного, что для них только будущий вероятный факт (В.В. Розанов, «О Достоевском», 1893 г.). В гандистской утопии содержится критический пафос, который оказывает отрезвляющее и оздоравливающее воздействие на тех, кто ищет пути преодоления социально-экономического отставания посредством слепого копирования чужих общественных моделей. Эта критика может быть плодотворной и для тех, кто, живя в материально благополучных странах, осознает необходимость совершенствования, движения к лучшему миру не для одних только «избранных» наций, но человечества в целом.

И, наконец, главное: гандистский идеал будущего — мир без насилия. Ганди открыл для себя и возродил для других общечеловеческую ценность — уважение к священному дару жизни. Цивилизация без насилия — маяк, освещающий путь, дабы человечество не погибло во тьме.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Махатмой называли таких заметных людей, как Джуотирао Пхуле. В понимании теософов махатма — это человек, который, благодаря специальным техникам, достиг высокого духовного знания и развил в себе высшие способности, доступные остальным людям только после множества перевоплощений и возможные только в том случае, если они не уничтожат самих себя, живя против законов природы.
- (2) Цит. по: Десять упреков Уинстону Черчиллю // Русская служба BBC. 24.01.2015. URL: http://www.bbc.com/russian/uk/2015/01/150122_uk_churchil_ten_controversies.
- (3) Банасюкевич А. «Толстой — Столыпин. Частная переписка»: концепция против жизни // РИА Новости. URL: http://ria.ru/weekend_theatre/20130305/806850666.html#14554466056674&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration.
- (4) Евгений Пахомов — журналист, индолог. «Сто лет борьбе Ганди: как Запад создал символ Индии». 04.02.2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/2016/02/04/ru-62664/itj5>.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ганди. «Хинд сварадж», или Индийское самоуправление // Ганди. Моя жизнь. М., 1969.
- [2] Бердяев Н. Духовное состояние современного мира. Доклад, прочитанный в мае 1931 г. на съезде лидеров мировой христианской федерации // Новый мир. 1990. № 1.
- [3] Ганди. Альтернатива индустриализации // Ганди. Моя жизнь. М., 1969.
- [4] Gandhi. *Rebuilding Our Village*. Ahmedabad, 1951.
- [5] Gandhi. *Towards Non-violent Socialism*. Ahmedabad, 1951.
- [6] Ганди. Кисаны и заминдары // Ганди. Моя жизнь. М., 1969.
- [7] Ганди. Забастовки // Ганди. Моя жизнь. М., 1969.
- [8] Ганди. Атомная бомба и Хиросима. Хариджан. 7.07.1946 // Ганди. Моя жизнь. М., 1969.
- [9] Young India. 23.06.1919.
- [10] Chatterjee M. *Gandhi's Religious Thought*. Notre Dame. Indiana, 1983.
- [11] Doke Joseph J. M.K. Gandhi — an Indian Patriot in South-Africa. Delhi, 1967.
- [12] Harijan. 29.08.1936.
- [13] Ганди. Ненасилие // Ганди. Моя жизнь. М., 1969.
- [14] Ганди. Резолюция по вопросу о войне // Ганди. Моя жизнь. М., 1969.
- [15] Ганди. Коренное различие. Хариджан. 27.07.1947 // Ганди. Моя жизнь. М., 1969.
- [16] Ганди. Независимость // Ганди. Моя жизнь. М., 1969.

Для цитирования:

Степаныц М.Т. Судьба гандистского наследия: взлеты и забвение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 4. С. 546—556. doi: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-546-556.

Сведения об авторе:

Степаныц Мариэтта Тиграновна — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки, главный научный сотрудник сектора восточных философий Института философии РАН (e-mail: marietta_35@mail.ru).

For citation:

Stepanyants, M.T. The Fate of Gandhi's Heritage: Ups and Oblivion. *RUDN Journal of Philosophy*. 2017; 21 (4): 546—556. doi: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-546-556.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-546-556

THE FATE OF GANDHI'S HERITAGE: UPS AND OBLIVION

M.T. Stepanyants

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
12/1, Goncharnaya Str., 109240, Moscow, Russian Federation

Abstract. The fate of great peoples' heritage is never explicit. Gandhi was called the “great soul”, “father of the nation”, “victorious warrior”, “Apostle of non-violence”. Yet there are those who called him a great deceiver, a faqir, a provoker, an insane idealist. Mahatma is both a utopian and a visionary. He has been the first to succeed in transforming *ahimsa*, a traditional concept of Indian culture, in the universal principle of morality: in private life, in politics, in economy, in relation to nature, in racial, religious and caste relations, in matters of war and peace.

Key words: Mahatma, non-violence, ahimsa, satyagraha, swaraj, swadeshi, liberation, Rama raj, pacifism, God, truth, love

REFERENCES

- [1] Gandhi. «Hind Swaradj» ili Indian samoypravlenie. In: Gandhi. *Moya zhizn (Hind Swaradj)*. Moscow; 1969. (In Russ.)
- [2] Berdyaev N. Duhovnoe sostoyanie sovremennogo mira. *Novi mir*. 1990;(1). (In Russ.)
- [3] Gandhi. Alternativa industrializatsii. In: Gandhi. *Moya zhizn (Hind Swaradj)*. Moscow; 1969. (In Russ.)
- [4] Gandhi. *Rebuilding Our Village*. Ahmedabad; 1951.
- [5] Gandhi. *Towards Non-violent Socialism*. Ahmedabad; 1951.
- [6] Gandhi. Kisani i zamindari. In: Gandhi. *Moya zhizn (Hind Swaradj)*. Moscow; 1969. (In Russ.)
- [7] Gandhi. Zabastovki. In: Gandhi. *Moya zhizn (Hind Swaradj)*. Moscow; 1969. (In Russ.)
- [8] Gandhi. Atomnaya bomba I Hirosima. Haridjan. 7.07.1946. In: Gandhi. *Moya zhizn (Hind Swaradj)*. Moscow; 1969. (In Russ.)
- [9] *Yang India*. 23.06.1919.
- [10] Chatterjee M. *Gandhi's Religious Thought*. Notre Dame. Indiana; 1983.
- [11] Doke Joseph J. *M.K. Gandhi — an Indian Patriot in South-Africa*. Delhi; 1967.
- [12] *Harijan*. 29.08.1936.
- [13] Gandhi. Nenasilie. In: Gandhi. *Moya zhizn (Hind Swaradj)*. Moscow; 1969. (In Russ.)
- [14] Gandhi. Resolutsiya po voprosy o voine. In: Gandhi. *Moya zhizn (Hind Swaradj)*. Moscow; 1969. (In Russ.)
- [15] Gandhi. Korennoye razlichie. Haridjan. 27.07.1947. In: Gandhi. *Moya zhizn (Hind Swaradj)*. Moscow; 1969. (In Russ.)
- [16] Gandhi. Nezavisimost. In: Gandhi. *Moya zhizn (Hind Swaradj)*. Moscow; 1969. (In Russ.)